

Ван Чуньхуа дрожал от злости. Когда еще его так унижали в присутствии Тан Чунмина?

Голосом, полным ненависти, он сказал:

- Да, сейчас я не так хорош, как младший брат. Стоит тебе только поманить пальцем, как на помощь прибегают дикари. Я должен был позволить Даху подняться из земли, чтобы увидеть сейчас твою лисью морду. Ты опозорил нашу семью! Вы все, кто сейчас смотрит на шоу, посмотрите внимательно и следите за своими мужчинами, иначе, когда он соблазнит кого-то из них, вам негде будет плакать!

Это обвинение затронуло сердца некоторых ге-эров. В частности, лица двух ге-эров, чьи мужья в последние два дня часто приходили сюда, чтобы угоститься едой Ю Му, выглядели неважно. Теперь все они работали на полях, у кого из них было такое же красивое белое лицо, как у Тан Чунмина? Жизнь Тан Чунмина не только не была трудной, напротив, она становилась все более благополучной.

Ли Фэн даже не стал помогать вспахать землю своих родственников, но вместо этого побежал в дом брата Мина, говоря, что все в порядке. Трудно было убедить людей, что в этом нет ничего плохого.

Некоторые из старших ге-эров в деревне с самого начала не могли вынести того, что сделал брат Мин. Они не вникали в его причины, им было все равно, но одно то, что у него хватило смелости бросить вызов авторитету матриарха Чжао и отделиться от него, чтобы создать свою собственную семью, было очень непривлекательно для них. Разве это не спровоцирует младших ге-эров в деревне на неуважение к старшим и матерям? Если они последуют тому же примеру, как старшие смогут контролировать своих детей в будущем?

Более того, после смерти мужа этот ге-эр жил все лучше и лучше, старшие ге-эры сочли это величайшим грехом из всех. Они не задумывались о том, что покойный муж плохо обращался с братом Мином, а могли только подумать, что ге-эр был неблагодарным и безжалостным и так быстро бросил семью своего мужа. Кто осмелится снова жениться на таком ге-эре?

Они неизбежно принялись обсуждать прошлые дела, смешивая их с настоящими. Несколько человек негромко бормотали между собой, но их голоса доносились до ушей Ван Чуньхуа, делая его еще более ревнивым, но в то же время он был так горд собой, что хотел разорвать лицо Тан Чунмина на части и опозорить его по всей деревне.

- Это... - матриарх Чжао стоял неподвижно и только смотрел на Тан Чунмина со зловещим выражением в глазах. Когда никто этого не ожидал, он вдруг сел на задницу и разразился душераздирающим жалобным криком, - Даху, как ты мог оставить свою мать такой несчастной? Посмотри на своего ге-эра, который в мгновение ока забыл о своей семье и разрушил репутацию старой семьи Чжао. Даху...

Внезапно он ударил себя в грудь, закатил глаза и упал назад.

Тан Чунмин все время наблюдал за матриархом Чжао, подозревая, что этот старик с таким зловещим видом добром его не отпустит.

Когда тот упал, Тан Чунмин почувствовал облегчение. Понаблюдав за его жалобами, он понял, что за трюк разыгрывал матриарх Чжао. Видите? После этого некоторые из тех, кто постарше, начали смотреть на него все более и более недоброжелательно.

Но Тан Чунмин не боялся притворяться. Он также был хорошим актером и в свое время убедил многих учителей в школе в своем плохом самочувствии.

- А... мой живот! Как больно! Ах... - закричал Тан Чунмин, держась за живот.

Чжан Сю и Да Мао, которых обманула внезапная реакция матриарха Чжао, были потрясены еще больше. Они быстро обернулись и нервно подхватили Тан Чунмина.

Чжан Сю поспешно спросил:

- Брат Мин, что происходит? Дашань, быстро! Позови доктора Ху. Ребенок Мин ге-эра в беде!

Тан Чунмин тайно ущипнул его за руку и жалобно закричал. Он также подмигнул Чжан Сю, который выглядел встревоженным. Только тогда Чжан Сю понял, что брат Мин устроил спектакль. Ему хотелось сердито рассмеяться, ведь его сердце все еще колотилось, но конечно, он поддержал его и играл дальше.

Старый матриарх Чжао - просто отвратительный, и это единственный способ справиться с таким бессовестным стариком.

Ли Дашань быстро побежал в сторону деревни, Ли Фэн запихнул А-Линя, который беспокоился о своей матери, в объятия Ю Му и побежал к Тан Чунмину, а Чжан Сю пошел на поводу у Тан Чунмина и энергично закричал:

- Семья Чжао, что с вами не так, почему вы хотите довести Мин ге-эра до смерти? Разве он не носит в своем животе плоть и кровь семьи Чжао? После ухода Даху, кто из вас, членов семьи Чжао, хоть раз заходил к ним и принес им хоть кусочек еды? Если вы так заботились о репутации семьи Чжао и Чжао Даху, почему вы заставляли Мин ге-эра снова выходить замуж? Что для вас репутация семьи Чжао? Вы используете ее, чтобы принудить Мин ге-эра, когда вам это нужно, но когда не нужно, вы отбрасываете ее и все равно принуждаете Мин ге-эра. Вы отпустите его только тогда, когда он умрет у вас на глазах с ребенком в животе?

- Давайте посмотрим. У Мин ге-эра есть только несколько акров бесплодной земли, оставшейся от Даху. Но теперь, когда он беременен, вы хотите, чтобы Мин ге-эр работал один с таким маленьким ребенком, как А-Линь? Вы не собираетесь помогать сиротам и вдовам, но сплетничаете о них. Идите и сами попробуйте, не стойте тут и не сплетничайте. Вы забыли,

что случилось с Далянем в том году?

Ли Фэн подбежал и взял Тан Чунмина прямо из рук Чжан Сю. Прежде чем Чжан Сю успел среагировать, он положил его на землю. Увидев, что Ли Фэн стоит на коленях на земле и щупает его пульс, Чжан Сю на мгновение замер и моргнул, отчего в глазах Ли Фэна появилось напряжение. Получается, Ли Фэн разбирается в медицине?

- Мама! А-Линь защитит маму, защитит своего брата. Дядя и бабушка - плохие люди. Ву-вуу... - маленький ге-эр Чжао Линь был в ужасе. Он забыл о своем обещании не говорить ничего плохого о дяде и бабушке. По его мнению, во всем были виноваты они. Он вырвался из рук Ю Му, чтобы пойти к своей матери.

Ю Му опустил Чжао Линя на землю и ребенок бросился в сторону матери. Он не обнял мать, но коснулся своей маленькой рукой его руки. Тан Чунмин поспешно взял А-Линя на руки и что-то прошептал ему на ухо. Только тогда А-Линь перестал рыдать.

Ли Фэн, который измерял пульс Тан Чунмина, заметил эту сцену и в его темных глазах вспыхнул огонек, но выражение его лица не изменилось.

Те, кто только что сочувствовал матриарху Чжао, потеряли дар речи под шквалом разоблачений Чжан Сю. Некоторые из них направили оружие на Ван Чуньхуа. Увидев, что он стоит там, они закричали на него:

- Почему бы тебе не помочь свекрови подняться? Почему ты позволяешь ему так лежать на земле? Даже хороший человек может от этого заболеть, что ты за человек такой? Ты не дашь старику спокойно жить, хотя сам жаждешь чужого мяса!

- Я... он... - Ван Чуньхуа был так зол, что не мог вдохнуть воздух. Он разыграл множество хитростей со стариком Чжао и не верил, что свекровь действительно потерял сознание. Он просто планировал воспользоваться возможностью подавить Тан Чунмина и даже опозорить его, чтобы никто не говорил плохого про семью Чжао.

Ли Дашань нашел Ху Ланчжуна и рассказал ему, что произошло. По дороге они встретили семью старосты Ли, которые тоже последовали за ними.

У семьи деревенского старосты было много земли, поэтому два его сына вернулись из окружного города, чтобы помогать, но они были не так хороши, как те, кто занимался фермерской работой круглый год, поэтому каждый раз семья нанимала несколько человек для помощи во время напряженного сезона.

Шэнь Фулан также отправился в поле, чтобы доставить еду. Ему стало жаль сыновей и он позвал их вернуться пораньше и отдохнуть немного. Сыновья еще не успели дойти до дома, когда они увидели Дашаня, несущего на спине доктора, и спросили его, что случилось. В результате выяснилось, что Мин ге-эру стало плохо.

Когда Шэнь Фулан услышал, что именно матриарх Чжао и Ван Чуньхуа стали причиной неприятностей, его гнев разгорелся с новой силой, и он позвал за собой главу семьи, старосту Ли. Сыновьям тоже было интересно, они ничего об этом не знали, но и староста, и Шэнь Фулан сказали им не сближаться с Чжао Пиньчуанем в будущем, а просто поддерживать дружеские отношения. Два брата посмотрели друг на друга за спинами отца и матери и решили последовать за ними, чтобы посмотреть, что происходит.

- Ну все, поставь меня сейчас же. Даже пообедать не дают спокойно, - сказал доктор Ху, раздувая бороду и хмурясь.

Ли Дашань улыбнулся, опустил врача на землю и осторожно последовал за ним. Он очень уважительно относился к доктору Ху. Хотя его характер иногда был сварливым, он был не хуже, чем доктора в городе.

Оказавшись на земле, он направился к Тан Чунмину, игнорируя голоса тех, кто говорил ему сначала проверить ситуацию матриарха Чжао.

Когда он шел, он жаловался:

- Разве я не говорил тебе не злиться больше? Ты не заботишься о своем здоровье. Сможешь ли ты удержать этого ребенка в животе?

Возможно, самое невыносимое для врача - это пациент, который не воспринимает собственное здоровье всерьез - сколько бы лекарств он ни прописывал, это пустая трата времени. Подумайте, с каким трудом ему удалось вернуть Мин ге-эра с порога смерти?

- О чем ты кричишь? Неужели я, врач, не знаю, у кого из них состояние важнее? - обернувшись, он крикнул в сторону Ван Чуньхуа.

Некоторые люди задавались вопросом о состоянии матриарха Чжао. Не мог же он притворяться? Притвориться больным - распространенная тактика, используемая некоторыми пожилыми людьми, чтобы манипулировать младшими.

Другие помнили, что было написано в учетной книге Тан Чунмина. Было что-то о том, что матриарх Чжао утверждал, что болен, и просил денег на лечение у Чжао Даху. Но на самом деле, у всех есть глаза. Хотя лицо матриарха Чжао выглядело немного хуже, и он похудел, они сомневались, что он действительно болен. Но теперь... Слова доктора Ху вызвали у них подозрение. Некоторые из них сделали несколько шагов назад и решили не вмешиваться.

Тан Чунмин стиснул зубы и протянул свое запястье. Что ж, он мог только надеяться, что доктор Ху посочувствует ему и не скажет правду.

Чжан Сю тоже был немного встревожен и сказал:

- Доктор Ху, только что Мин ге-эр был так расстроен, что жаловался на боли в животе. Он кричал, что у него болит живот. Он только что выздоровел и у него больше не будет никаких проблем, не так ли? Увы, все в деревне видели бедственное положение брата Мина. Те, у кого есть совесть, протянули руку помощи, чтобы помочь ему преодолеть стоящие перед ним трудности. Но некоторые люди... Почему они так жестоки? Они довели брата Мина до такого состояния, но до сих пор не хотят его отпускать. Они действительно хотят довести его до смерти?

Он рассказал доктору, явно и неявно, о ситуации и трудностях брата Мина, надеясь, что он поможет ему.

- Некоторые люди уже не молоды, но не хотят, чтобы младшие жили в мире хоть несколько дней. Только когда они в беде, они счастливы, - прибывший Шэнь Фулан сразу же встал на сторону Тан Чунмина и сходу обвинил матриарха Чжао. Поскольку даже доктор не спешил проверить матриарха Чжао, он также не думал, что его состояние было серьезным.

- И ты, Ван Чуньхуа, вместо того, чтобы усердно работать в поле, ты весь день создаешь проблемы? Разве не ты требовал вернуть рисовые поля и разорвать отношения? И теперь ты говоришь с Мин ге-эром о сыновней почтительности? Как ты смеешь просить мяса у ге-эра, которому больше не на кого положиться? Насколько толстая у тебя кожа, в конце концов?

Шэнь Фулан бесцеремонно отругал Ван Чуньхуа. Будучи супругом деревенского старосты, он обладал определенным авторитетом в деревне. Когда он увидел, что Ван Чуньхуа хочет что-то сказать, он продолжил ругать его:

- Я ни разу не видел, чтобы вы помогали брату Мину, несмотря ни на что, он все еще носит семья семьи Чжао в своем животе. Вы не помогаете ему засеять землю и хотите что-то сказать? Мой мул все еще в аренде у брата Мина, так ты собираешься сказать, что моя семья тоже замешана в этом?

Некоторые люди понимающе хмыкнули. Когда кто-то из них ходил к Шэнь Фулану, чтобы одолжить большого мула, он сказал «Сначала надо позаботиться о брате Мине. Посмотрим, когда он закончит пахать землю».

Когда кто-то обернулся, то увидел, что лицо деревенского старосты было темным и мрачным. Шэнь Фулан не стеснялся в выражениях, когда начинал злиться. Даже двое сыновей, глядя на лицо отца, сдерживали смех. Боевые возможности их матери несколько не ослабли.

- Брат, ты видел это? У дяди Чжао зрачки двигались, - второй сын старосты прошептал на ухо своему старшему брату.

Ху Ланчжун намеренно игнорировал матриарха Чжао и у него не было другого выбора, кроме как продолжать лежать, но как бы он ни притворялся, что-то да выдавало его.

Хотя мальчик шептал брату ухом, его голос был не слишком тихим. Все, стоявшие рядом, слышали это. Старший сын старосты посмотрел на него в ответ и сказал:

- Ты не врач. Откуда ты знаешь, каково это - потерять сознание? Может быть, это так и выглядит.

О боже, старший брат такой хитрый.

Тан Чунмин тоже наострил уши. Когда он услышал разговор между двумя братьями, он чуть не разразился смехом, но по крайней мере, ему удалось сдержаться.

Его впечатление о двух сыновьях Шэнь Фулана было довольно смутным, но, послушав эти слова, он понял, что эти ребята были образованными и совершенно не похожими на Чжао Пиньчуаня, в них не было этого педантичного высокомерия.

Доктор бросил на Тан Чунмина недовольный взгляд, в котором, впрочем, не было гнева. Он встал и дал длинное объяснение собравшимся людям. Подводя итог, он сказал:

- У брата Мина сдвинулся плод от переживаний. Ему нужно отдохнуть и восстановиться, нельзя уставать или злиться. Сегодня он растратил весь отдых и восстановление, которые получил за последние несколько дней. Вы не должны делать этого в будущем.

Тан Чунмин благодарно улыбнулся доктору Ху:

- Спасибо, я буду внимателен и постараюсь не позволять чужим словам влиять на меня.

Доктор Ху был довольно интересным маленьким старичком, и было стыдно вспоминать, что когда он только пришел в этот мир, то упал в обморок, напуганный видом доктора, сжимавшего иглу.

Доктор хмыкнул, заложив руки за спину, и подошел к матриарху Чжао. Все взгляды зрителей следили за ним, они хотели узнать, действительно ли он болен или притворяется.

Ху Ланчжун померил пульс и приподнял веки. Чжао Даню, который стоял в стороне, вытер руки и спросил:

- С мамой все будет в порядке? Как мог здоровый человек вдруг...

- Да, как может здоровый человек просто потерять сознание? Я много лет занимаюсь медициной и не могу этого понять. Как насчет этого - я сделаю ему несколько уколов иглой. Давайте посмотрим, смогу ли я его разбудить, - доктор Ху притворился глубокомысленным, открыл свой сундучок с лекарствами и достал ряд иголок. Из них он выбрал самую длинную и

толстую иглу и помахал ею перед матриархом Чжао. Казалось, он не мог решить, куда ее воткнуть.

Чжао Даню испугался. Он не знал, должен ли он остановить врача и разбудить мать.

- Ху Ланчжун, нужна ли вам такая большая игла? Почему бы вам не сменить ее на меньшую? Вы должны быть осторожны со своими старыми руками, мама слишком стар, я боюсь...

Прежде чем он успел закончить фразу, глаза матриарха Чжао внезапно открылись. Это было так же, как когда Тан Чунмин проснулся и был в шоке, едва не потеряв сознание, увидев, что большая игла вот-вот проткнет его. Но вместо того, чтобы упасть в обморок, матриарх с криком поднялся с земли и спрятался за Чжао Даню.

Ху Ланчжун фыркнул и рассмеялся, он и не собирался колоть его иглой. Он убрал иглу и обратился к матриарху Чжао.

- С возрастом вы должны быть более расслабленными. Хотя в этот раз все в порядке, если вы долгое время будете находиться в депрессии, это вредно для вашего здоровья, - он собрал аптечку и повернулся к Дашаню, - Ли Дашань, верни меня домой и заодно возьми лекарство для плода Мин ге-эра.

- Да, конечно, - Ли Дашань послушно подошел и присел перед ним на корточки, а Ху Ланчжун запрыгнул ему на спину и помахал рукой толпе.

Как только доктор Ху ушел, некоторые люди начали смеяться, а другие делились мнениями. Ситуация была ясна - одному выписали лекарства, а другому - нет. Доктор велел матриарху расслабиться, а это означает, что у него много подавленных чувств. Очевидно, что матриарх Чжао все еще держит обиду на брата Мина за то, что он сделал раньше. Но в итоге он не только не смог укунить брата Мина, но даже был разоблачен.

Это большой позор.

Третий старейшина Чжоу тоже пришел в ярость, узнав о ситуации. Он хотел ткнуть пальцем в матриарха Чжао и разбудить его. Он же ясно сказал ему, чтобы в будущем он избегал Мин ге-эра, но он был так неумолим, что снова поднял шум. В конце концов, это все равно обернулось позором для него самого и семьи Чжао.

Разве он не видит, что Мин ге-эр уже не тот нежный мальчик, которого он привык угнетать, как вздумается? Что в первый, что во второй раз ему не удалось получить с этого никакой выгоды.

Матриарх Чжао знал, что ничего не добьется, устроив такую сцену. Он взял полотняное полотенце и закрыл лицо. Перед другими людьми, даже перед старостой, он мог вести себя

неразумно, но в присутствии третьего дяди он не осмелился.

- Ты.. что ты хочешь, чтобы я сказал тебе? - третий старейшина Чжао задрожал от гнева, - Разве не ты тогда заставлял Мин ге-эра снова выйти замуж? Вы отказались от него, а теперь высказываете и говорите о семейном укладе? Я говорю тебе, что хоть сейчас Мин ге-эр носит кровь и плоть семьи Чжао, он не имеет никакого отношения к семье Чжао. Выйдет он повторно замуж или нет, это не имеет ничего общего ни с тобой, ни с семьей Даню. Никогда больше не позволяй мне слышать о том, что ты вмешиваешься в повторный брак Мин ге-эра!

Другими словами, если в будущем что-то случится с братом Мином, это не имеет никакого отношения к семье Чжао. Даже если репутация брата Мина будет запятнана сплетнями, это не бросит тень на семью Чжао. Предыдущие события на самом деле не были решены до конца. По его мнению, Мин ге-эра вообще не нужно было трогать, но эти глупые свекровь и невестка... Они слишком недалекие и не умеют смотреть на долгосрочную перспективу. Когда Чжао Пинчуань сдаст экзамен, стыдно будет Тан Чунмину, а не семье Чжао. Придет время, и он еще хлебнет горя.

- С этого момента ты не должен больше открывать рот в присутствии своей свекрови. Твой долг - хорошо служить ему! Тебе не кажется, что ты уже достаточно опозорился в деревне? - он снова накричал на Ван Чуньхуа. Наконец, он сказал Чжао Даню, - Позаботься о своем ге-эре и о земле семьи. Ты старший сын в семье, но именно Даху нес твоё время в прошлом.

- Да, да, третий дядя, я знаю, я буду хорошо работать, - Чжао Даню кивнул с красным лицом и деловито помог матриарху Чжао вместе с Ван Чуньхуа, пока они шли домой.

- Ну, давайте все разойдемся, уже середина дня. Нечего лениться в поле. Мин ге-эр, ты же знаешь, какая у тебя свекровь. Прими во внимание его возраст и не заморачивайся. Все-таки твои дети будут называть его бабушкой.

Тан Чунмин обнаружил, что в том, что касается Ван Чуньхуа и матриарха Чжао, ему просто нужно держаться подальше. У таких людей не особенно много трюков и интриг, чтобы быть безжалостным, их всегда можно ударить в ответ.

Но этот третий дядя, который полагался на свой статус старейшины в деревне, чтобы подавить его, действительно раздражал. В его словах было столько презрения к Тан Чунмину, как будто он боялся об него запачкаться. Это было отвратительно.

Другие люди могли этого не понять, но Ли Фэн понимал это не хуже Тан Чунмина. Старик использовал свой статус, чтобы оказать давление на Тан Чунмина. Ли Фэн не мог не сжать кулаки. Третий дядя семьи Чжао был внешне добрым, но на самом деле недолюбливал брата Мина.

Староста деревни тоже знал, что третий дядя семьи Чжао ненавидит Мин ге-эра, считая, что именно брат Мин наносит ущерб репутации их семьи Чжао. Но он не знал, что корни семьи Чжао уже прогнили, какая необходимость в том, чтобы это делали другие?

Староста деревни сжал кулак и слегка прокашлялся, чтобы что-то сказать, но Тан Чунмин уже встал, держа Чжан Сю за руку. Он посмотрел прямо на третьего старейшину и даже улыбнулся:

- Я понимаю, о чем говорит третий дядя, потому что знаю, какая у меня свекровь. Вот почему иногда я не могу уступить, иначе у нас с сыном не будет возможности выжить. Но не волнуйтесь, третий дядя, я всегда избегал их. До тех пор, пока они не беспокоят меня, меня не волнует этот беспорядок. У меня нет столько свободного времени, достаточно того, что у меня болит голова насчет денег, которые я должен платить каждый год. Третий дядя, разве вы так не думаете?

Староста снова кашлянул, сжав кулак. Он недооценил брата Мина. Оказывается, он очень ясно видел отношение третьего старейшины семьи Чжао. Это хорошо.

Третий старейшина Чжао думал, что Мин ге-эр снова прилепится к семье Чжао, и не мог дожидаться момента, чтобы подвести черту. Но похоже, что Мин ге-эр больше никогда не придет в семью Чжао.

Третий старейшина Чжао на мгновение рассердился на Тан Чунмина за то, что тот был таким откровенным и не знал, как уважать пожилых людей. Ему пришлось отбросить рукава и сказать:

- Ты сам попросил об этом. Я позабочусь о твоей свекрови, а ты хорошо заботься о своих двух детях в будущем, - с этими словами он сердито пошел прочь.

Тан Чунмин скривил губы. Даже если он не сможет выжить самостоятельно, он скорее заберет своих детей и снова выйдет замуж, чем вернется в семью Чжао. Ему с таким трудом удалось избавиться от этой семейки.

<http://bllate.org/book/13611/1207217>